

С. ДУРЫЛИН

И. А. КРЫЛОВ

(К столетию со дня смерти)

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1944

«В истории развития литературы европейской,— писал Горький,— наша юная литература представляет собою феномен изумительный... Ни одна из литератур Запада не возникала к жизни с такою силою и быстротою, в таком мощном, ослепительном блеске таланта. Никто в Европе не создавал столь крупных всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот, при таких неописуемо тяжких условиях. Это пезыблемо устацавливается путем сравнения истории западных литератур с историей нашей; нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имен, как в России».

Одно из самых блистательных имен в этом бессмертном созвездии русской литературы бесспорно — имя Ивана Андреевича Крылова.

Он первый из русских писателей, еще при жизни своей, вошел в жизнь, в мысль, в слово русского народа. «Басни Крылова» были первой русской кни-

гой, которую прочла вся Россия — от дворца до крестьянской избы. Образы Крылова так яркие, мысли его так близки, язык его так понятен и родственен народу, что и образы, и речения, и стихи Крылова превратились в крылатые слова, обратились в поговорки, в пословицы, в поговорки.

Еще при жизни Крылова Пушкин, Гоголь, Белинский называли его выразителем духа русского народа, — писателем, в своем слове и мысли теснее всех слитым с русским народом.

Столетие, протекшее со дня смерти Крылова, свидетельствует, что предсказание Белинского в 1840 году — «Слава... Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского» — сбылось.

Крылов был *первым* из русских писателей, который приобрел себе известность, а затем и славу во всем мире. Несмотря на исключительные трудности перевода, басни Крылова переведены на пятьдесят три языка и читаются во всех частях света. Крылов первый из русских поэтов вошел в ограниченный круг мировых писателей. Среди баснописцев со столетней и тысячелетней славой — Эзоп, Федр, Лафонтен — Крылова можно считать первым по жизненной правде, по глубине мысли и по несравненной художественной силе. Своим гениальным творчеством Крылов-баснописец как бы исчерпал все художественные возможности «басни» как литературного жанра. С Крыловым русская литература впервые поднялась

на те высоты мировой литературы, которые в дальнейшем закрепились за нею Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Тургеневым, Достоевским, Львом Толстым...

I

Иван Андреевич Крылов родился 2/13 февраля 1769 года в Москве, давнем средоточии исторической жизни и творческих сил русского народа, где родились и жили Фонвизин, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Достоевский и Островский.

Его отец, Андрей Прохорович, после долгой службы в солдатах получил офицерский чин и дворянское звание. Военная служба не дала отцу Крылова ни орденов, ни средств к жизни. Выйдя в отставку, он принужден был занять должность чиновника в губернском магистрате в Твери. По смерти отца (1778) девятилетнему Крылову достался в наследство солдатский сундучок с книгами.

У мальчика была страсть к чтению; вероятно, от отца научился он грамоте. Он никогда не посещал никакой школы и всеми своими знаниями был обязан самому себе. В 1825 году Пушкин писал: «Крылов знает главные европейские языки и, сверх того, он, как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому». Крылову легко далась математика. Самоучкой он выучился играть на скрипке. Он обладал актерскими способностями и был превосходный чтец своих басен. Одаренность Крылова бросалась в глаза. «В этом необыкновенном человеке,— писал о Крылове

Вигель, учившийся у него русскому языку,— были положены зародыши всех талантов, всех искусств. Природа сказала ему: выбирай любое». Крылов выбрал литературу.

После смерти отца в доме Крыловых наступила нищета. Мать Крылова ходила читать по покойникам в богатые дворянские и купеческие дома, а десятилетнему мальчику пришлось начать службу, куда он был записан «подканцеляристом» с восьмилетнего возраста. Мальчик поневоле окунулся в темный омут чиновничьей кривды, судейского взяточничества и горького бесправия городских и сельских низов. Суровая ненависть к приказному кривосудию, судейской ябеде и чиновничьему взяточничеству, сквозящая в баснях: «Щука», «Крестьянин и Овца», «Крестьяне и Река», «Лисица и Сурок», родилась у Крылова еще в отроческие годы. Этой же службе Крылов обязан знанием бытовых черт, метко отраженных в его баснях, посвященных суду и взяточничеству.

Исключительная наблюдательность рано проявилась у Крылова. Один из его современников передавал, что в отрочестве Крылов «посещал с особенным удовольствием народные сборища, торговые площади, качели и кулачные бои, где толкался между пестрою толпою, прислушиваясь с жадностью к речам простолюдинов. Нередко сиживал он по целым часам на берегу Волги, против плотомоек, и, когда возвращался к своим товарищам, передавал им забавные анекдоты и поговорки, которые уловил из уст словоохотливых пра-

чек, сходящихся на реку с разных концов города, из дома богатого и бедного».

Крылов жадно прислушивался на этих «сборищах» к русской народной речи, во всем разнообразии ее оттенков, приобретая неисчерпаемый запас пословиц, поговорок, присловий, издевок,— все, чем так богат язык его басен.

Так поступал впоследствии и Пушкин, в ярмарочной толпе на Святых горах прислушиваясь к народному говору. Он советовал учиться народной речи у московских просвирен.

Крылов, стремившийся к знанию и мечтавший стать писателем, понимал, что ему необходимо вырваться из Твери. В 1782 году он с большим трудом выбрался в Петербург и поступил там на службу в казенную палату. Года четыре он служил, не получая жалованья, терпя большую нужду, но не помышлял о возвращении в провинцию.

В Петербурге он увлекся театром. Еще в Твери Крылов задумал, а быть может, частью и написал, комическую оперу «Кофейница» в прозе и стихах.

В Петербурге он в 1783 году отнес «Кофейницу» к издателю Брейткопфу, который предложил за нее шестьдесят рублей ассигнациями (около двадцати рублей серебром). Крылов предпочел взять гонорар книгами: трагедиями Расина, комедиями Мольера и поэтическим трактатом Буало об искусстве поэзии. «Кофейница» не была напечатана, но открыла Крылову дорогу в театральный мир. Он сблизился с «первым российским актером» и драматургом И. А. Дми-

триевским, человеком большого образования, с писателем-актером П. А. Плавильщиковым, с актерами С. Н. Сандуновым и В. И. Рыкаловым. Они первые распознали в юноше Крылове писателя с большим дарованием, которое ярко блеснуло в «Кофейнице». Произведение отроческого пера, эта комическая опера переносит читателя в крепостную деревню. Юный автор нашел правдивые краски для изображения крепостных крестьян и резко осудил помещицу-самодурку и ее приказчика.

Деятельность драматурга представлялась Крылову его призванием.

В 1785—1789 годах он усиленно пишет для театра: «Клеопатра», «Филомела», «Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей», «Проказники», «Американцы»; трагедии, комедии, комические оперы следуют одна за другою (некоторые из них попали в печать, в сборник «Российский феатр»), и ни одна из них не была исполнена на сцене. Крылов пробовал себя едва ли не во всех родах драматического искусства. В его комедиях и комических операх при всех их недостатках, при подражательности многих сцен и драматических положений, при условной театральности некоторых действующих лиц — много увлекательной живости, непритворной веселости, бесспорного, хоть и грубоватого комизма. Эти крыловские комедии-буфф несколько не уступают многим комедиям его современников, игравшимся на сцене. И все же комедии Крылова не видали огней рампы. Причину этого надо искать в их характере.

Они все посвящены, в сущности, беспощадному и злому высмеиванию пороков «благородного сословия»: крыловские дворяне — все эти господа Сумбуры, графы Дубовые, госпожи Новодомовы и княжны Тройкины — не что иное, как воплощение глупости, тщеславия, невежества и распутства. Как правило, этим глупым господам противопоставляются умные слуги, и автор не скрывает, что он на стороне этих слуг, дурачащих своих одурелых от чванства господ и помыкающих ими, как куклами.

Поняв, что его комедиям нет пути в театр, Крылов резко разорвал все сношения с директором казенного театра П. А. Соймоновым, который первоначально готов был покровительствовать Крылову и даже доставил ему хорошее место в горной экспедиции, которою заведывал. Крылов в 1788 году оставил и это место, отказавшись от казенной службы и желая всецело отдаться писательству.

Еще в 1786 году Крылов принял участие в журнале «Лекарство от скуки и забот», а в 1788 году он стал сотрудником журнала «Утренние часы», издававшегося И. Ф. Рахманиновым — рьяным поклонником и переводчиком Вольтера. Здесь впервые Крылов выступил с баснями. Но эти четыре басни — «Стыдливый игрок», «Судьба игроков», «Павлин и Соловей» и «Недовольный гостями» — Крылов никогда не включал в свои знаменитые басни в девяти книгах. Это было ученическое подражание прежним русским баснописцам — Сумарокову и Хемницеру, — и Крылов вскоре оставил этот род поэзии, принесший ему

много лет спустя славу, и обратился к сатире в прозе.

На двадцать первом году (1789) Крылов стал издателем сатирического журнала «Почта духов». Журнал этот воскресил лучшие времена русских сатирических журналов (1769—1774). Быть может, от одного из этих журналов («Адская почта» Ф. А. Эмина, 1769) идет и название крыловского журнала. «Почта духов» — не журнал в нашем смысле слова. Это периодический сборник в форме переписки «духов» — гномов Зора, Буристана, Вестодава, сильфов, ундин с неким волшебником Маликульмульком. «Духи», невидимо жительствоющие среди людей, проникают всюду, — и в их переписке возникает сатирический образ екатерининской империи — пышных вельмож, хищных кривосудов, корыстных чиновников, — так же ярко, как в лучших журналах Н. И. Новикова «Трутень» (1769—1776), «Живописец» (1772—1773), «Кошелек» (1774).

Крылов продолжал дело Новикова, отражая в своем сатирическом зеркале жизнь великосветских «трутней», разоряющих народ своим узаконенным грабежом.

Старинное предание называло в числе анонимных сотрудников Крылова автора «Путешествия из Петербурга в Москву», — книга, за которую Радищев был присужден к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Это предание лишено фактических оснований, но самое наличие его глубоко знаменательно.

Словно пером Радищева написано, например, XI

письмо гнома Буристон. В эпоху «похвальных слов» и «торжественных од», посвященных вельможам и фаворитам, Крылов в этом письме создает резкообличительный и вместе с тем глубокореальный образ екатерининского вельможи, раболепствующего при дворе и требующего раболепства от своих подчиненных. Образ этот особенно ярко вырисовывается на фоне народной нищеты и угнетения.

Гном Буристон при виде кареты вельможи, везо-мой шестериком, спрашивает: «Для чего здесь множество лошадей возят на себе одного человека, который, как я вижу, сам очень изрядно ходит, а, напротив того, тяжелый камень тащат столько людей, сколько числом и лошадей поднять его едва в силах? и не лучше ли бы было, чтобы, отпрягши от этих ящиков хотя по несколько бесполезно припряженных лошадей, употребить их на вспоможение этим беднякам везти камень?»

«Дух» проникает в набитую бедняками-просителями переднюю вельможи, где особенно его поражает безногий человек, выражающий свою скорбь тяжелыми вздохами.

«Я вздыхаю, сударь, о том,— отвечал он мне,— что у меня оторвали ногу, а не голову: я бы вечно не знал, что такое есть прихожая знатных». Безногий человек, солдат суворовских походов, с горечью говорит о вельможе: «Я верю, что его похвала прекрасна и красноречива, но верю также, что я со временем, к его славе и к чести моего отечества, умру в этой прихожей с голоду». Читая этот печальный и горький

рассказ инвалида, вспоминаешь гоголевскую «Повесть о капитане Копейкине», запрещенную цензурой.

Когда в приемной, куда бедняки не допускались, появился наконец вельможа, «убранный великолепно», он «очень учтиво кланялся на все стороны» — и благосклонно принимал прошения от просителей, причем «дух» заметил, «что многие просительные письма были довольно толсто свернуты, и такие принимались с большей благосклонностью». Значение таких толстых писем скоро стало ясно «духу».

«Что до меня, — сказал толстый судья, — то я всего вернее надеюсь получить обещанное место: красноречие золота никогда не обманет. Пусть бедные стонут, что их не выслушивают; но мы, у которых кошельки плотны, мы, право, не имеем причины жаловаться на вельмож. Правда, что мы дорого им платим, но наши челобитчики после заплатят нам то с выгодой, что мы отдаем вельможе за то, чтобы высасывать из кошельков просителей».

Четверть века спустя (1814) в басне «Крестьяне и Река» Крылов повторил это великолепное объяснение круговой поруки судейской кривды и взяточничества:

На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам.

Письмо, посвященное вельможе, дает яркое представление о сатире «Почты духов». По живому своему реализму, по выпуклости жизненных зарисовок, Крылов — продолжатель журнальной сатиры

Н. И. Новикова; но его сатира политически острее: она направлена не только против отдельных явлений, но и против всего уклада самодержавно-дворянского строя. Здесь Крылов гораздо ближе к Радищеву, чем к Новикову.

Под обликом крыловского «вельможи» легко было распознать Безбородку или любого из людей «случая» и «фортуны», толпившихся вокруг трона Екатерины II,—не доставало только ее самой, чтобы политическая картина была завершена.

Самое основное в крыловской сатире,— что роднит его с Радищевым,— это резкое обличение социального неравенства. Основной мотив «Почты духов»— противопоставление бедности и богатства, бесправия и самоуправства, рабства и вельможества—с особой силой звучит, когда Крылов касается крепостного права. Подобно многим писателям-современникам, Крылов нападает на светскую погоню за модами, на безумное барское расточительство и увлечение предметами роскоши и неги, и с особым негодованием он подчеркивает, что парижские модники и мастера безделья научили русских бар «не один только хлеб превращать в модные товары», но и крепостные души.

Чем сильнее негодование Крылова на это преступное расточительство крепостниками физических и умственных сил русского народа, тем больше его любовь к демократическим слоям населения, тем крепче его вера в них. Крылов не может и не хочет скрывать своих противодворянских убеждений.

«Мещанин добродетельный и честный крестьянин,

преисполненный добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до тридцати дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастья, что родился от благородных родителей, которые также, может быть, не более его принесли пользу своему отечеству, как только умножили число бесплодных ветвей своего родословного дерева» (письмо XXXVII).

Этот прозаический отрывок является как бы прологом к басне «Гуси» (1811) с ее жестокой насмешкой над дворянским чванством, родовитостью и заслугами предков.

Крылов вынужден был прервать издание «Почты духов» в августе 1789 года. Журнал, со столь резко выраженной противодворянской тенденцией, со столь смелой сатирой на правительствующее вельможество не мог существовать в Санкт-Петербурге Екатерины II.

Но и Крылов не мог существовать без сатирического писательства: через три года, в 1792 году, он начал издавать новый журнал «Зритель» в содружестве с молодым литератором А. И. Клушиным и актером-писателем П. А. Плавильщиковым. «Зритель» печатался в типографии, которую на товарищеских началах основали вместе с И. А. Дмитревским издатели, вышедшие из демократических слоев общества.

Если «Почта духов» начала выходить в первый год Великой буржуазной французской революции, то «Зритель» был основан в еще более тревожную

эпоху. Петербургские верхи, с императрицей во главе, были напуганы успехами французской революции. Екатерине II и ее вельможам всюду мерещились искры, готовые разгореться в политический пожар. Радищева сослали в Сибирь. Новиков был заключен в крепость.

«Зритель» начал выходить при самых неблагоприятных предзнаменованиях. Тем не менее сатира оставалась в нем на большой социальной и политической высоте: Крылов продолжал дело сосланного Радищева и заключенного в каземат Новикова.

Противокрепостническую тему Крылов развивал в «Зрителе», быть может, с еще большей силой, чем в «Почте духов».

Вот, по Крылову, первая и важнейшая заповедь дворянского символа веры: «С самого начала, как станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человек, что ты дворянин, и, следовательно, что ты родился только поесть тот хлеб, который посеют твои крестьяне: словом, вообрази, что ты счастливый трутень, у коего не обгрызают крылья; и что деды твои только для того думали, чтобы доставить твоей голове право ничего не думать».

Этот догмат феодально-крепостнического символа веры развивается в блистательной «Похвальной речи в память моему дедушке», где убийственная ирония Крылова как бы предвосхищает грозные сарказмы, которыми пользовался, говоря о «благородном сословии», Салтыков-Щедрин в расцвете своей деятельности.

Дедушка — «разумнейший помещик», — с «неустранимостью гоняясь за зайцем, свернулся в ров и разделил смертную чашу с гнедою своею лошадыю прямо по-братски».

Дедушка «имел тысячу других (дарований.—С. Д.), приличных и необходимых нашему брату дворянину: он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдинов выработают в год; он сильные подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год раза два, три, с пользою; он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдался величайший пост, и таким искусством делал гостям своим приятные нечаянности... Часто бывало, когда приедем мы к нему в деревню обедать, то, видя всех крестьян его бледных, умирающих с голоду, страшимся сами умереть за его столом голодною смертию; глядя на всякого из них, мы заключали, что на сто верст вокруг его деревень нет ни корки хлеба, ни чахоточной курицы,—но какое приятное удивление! сядя за стол, находили мы богатство, которое, казалось, там было неизвестно, и изобилие, которого тени не было в его владениях. Искуснейшие из нас не постигали, что еще он мог содрать со своих крестьян, и мы принуждены были думать, что он великолепные свои пиры созидал из ничего».

В русской литературе, богатой сатирическими обличениями крепостного права и явлений социального неравенства, «Похвальная речь» Крылова занимает

одно из первых мест по своей силе и по своему художественному мастерству.

Еще более сильной была в «Зрителе» сатира Крылова, непосредственно обращенная против неограниченной власти самодержца.

Крылов написал «восточную повесть» «Каиб». Просвещенный абсолютист, подобно Екатерине II, — Каиб ничего не начинал без согласия своего дивана (Государственного совета — С. Д.); но как он был миролюбив, то для избежания споров начинал свои речи так: «Господа! я хочу того-то; кто имеет на это возражение, тот может свободно его объявить: в ту ж минуту получит он пятьсот ударов воловьей жилой по пятам, а после мы рассмотрим его голос». Таким удачным предисловием поддерживал он совершенное согласие между собою и советом и придавал своим мнениям такую вероятность, что разумнейшие из дивана удивлялись их премудрости. И для того-то хотя иногда терпел он визирей с крепкою головою, но не мог терпеть тех, у которых были крепкие подошвы. Такие люди, говорил он, всегда думают, что они умнее других, и они для меня не годятся. Мне надобны визири, у которых бы разум, без согласия их пяток, ничего не начинал».

С едкою иронией Крылов изображает деспотизм самодержавия под личиною просвещенного абсолютизма, и двор Каиба — копия двора Екатерины с ее вельможами и придворными.

Каиб, большой поклонник сентиментальной поэзии идиллических пастушков и пастушек, отправляется,

никем не признанный, в странствие по своему государству и там натывается, впервые в жизни, на такую картину: «Увидел он на берегу речки запачканное творение, загорелое от солнца, заматанное грязью. Калиф было усомнился: человек ли это; но по босым ногам и по бороде скоро в том уверился. Вид его был столько же глуп, сколь наряд его беден».

«Скажи, мой друг,— спрашивал его калиф,— где здесь счастливый пастух этого стада?» — «Это — я», — отвечало творение и в то же время размачивало в ручейке корку хлеба, чтобы легче было ее разжевать. «Ты пастух! — вскричал с удивлением Каиб. — О, ты должен прекрасно играть на свирели». «Может быть, но голодный не охотник я до песен...»

В этом отрывке Крылов выступает как убежденный реалист с горячим протестом против сентиментально-идиллического извращения горькой русской действительности под пером дворянских сентименталистов — писателей школы Карамзина.

Целью Крылова была, конечно, не только литературная борьба с сентименталистами, но и нападение на самое Екатерину II, которая в своих письмах к знаменитым иностранцам (Вольтер, Гримм, де-Линь) изображала свою крепостную империю как идиллическое царство разума и благоденствия.

Резко оппозиционный характер сатиры Крылова, замеченный Екатериною II еще в «Почте духов», не мог не вызвать вмешательства императрицы в судьбу «Зрителя».

В мае 1792 года,— на пятом месяце издания журнала,— по приказу императрицы в типографии Крылова с товарищами был произведен тщательный обыск. Крылова подозревали в том, что он печатает в своей типографии книги без дозволения цензуры; в типографии искали, как сказано в официальном донесении, «со всею прилежностью... вредных сочинений». У Крылова отобрали рукопись оригинального его сочинения под названием «Мои горячки».

Дело это считалось столь важным, что петербургский губернатор П. П. Коновницын направил сообщение об обыске в типографии Крылова и об отобрании у него рукописи самому П. А. Зубову,— всесильному временщику и фавориту Екатерины— «к всеподданнейшему донесению», то есть для доклада самой императрице.

Крылов рассказывал впоследствии своему биографу М. Е. Лобанову: «Одну из повестей, которую уже набирали в типографии, потребовала к себе императрица Екатерина; рукопись не воротилась назад, да так и пропала».

Зубову петербургский губернатор сообщил: «представляю за тою типографиею, тож Крыловым с Клушиным наблюдение».

За Крыловым был учрежден политический надзор, а 3 января ст. ст. 1793 года Н. М. Карамзин спрашивал из Москвы И. И. Дмитриева: «Мне сказывали, что издателей «Зрителя» брали под караул: правда ли это? и за что?»

«Зрителю» уже не пришлось выходить в 1793 году.

Однако Крылов с Клушиным попытались еще раз издавать журнал — «С.-Петербургский Меркурий».

В этом журнале сатира Крылова поневоле затихает. Она лишается своей остроты и резкости, прямо направленной против господствующих верхов. Но, ослабляя тон сатиры, Крылов не изменяет, по существу, ее содержания и не меняет ее адресатов. В своей «Похвальной речи науке убивать время» Крылов с прежним презрением писал по адресу высшего общества: «Мало ли есть таких прекрасных упражнений в большом свете, которые почти столько же знамениты, как и дарование ничего не делать; а такие-то упражнения и нужны для нашего общества. Делать, ничего не делая, говорить, ничего не сказывая — вот два сильнейших способа убить время».

Несмотря на принижение тона крыловской сатиры, несмотря на попытки придать новый характер самому журналу, Крылов остался Крыловым, а «С.-Петербургский Меркурий» оказался продолжением «Почты духов» и «Зрителя», — и уже в середине 1793 года Крылову и Клушину пришлось отказаться от типографии и от издания журнала. В декабрьской книжке «Меркурий» появилось заявление: «Год Меркурия кончен и за отлучкой издателей продолжаться не будет».

Отлучка Крылова оказалась многолетней. Ему пришлось исчезнуть из Петербурга, скрыться с глаз Екатерины в провинциальной глуши, чтобы избежать, быть может, участи Радищева и Новикова.

Во все время царствования Павла I Крылов не возвращался в Петербург.

Около 1798 года Крылов сделался личным секретарем князя С. Ф. Голицына, родовитого вельможи, укрывавшегося от опалы Павла I то в Саратовской глуши, в имении Зубриловке, то на Украине, в поместье Казацком. Крылов давал уроки детям князя. В Казацком Крылов написал, для домашнего спектакля, «шуту-трагедию» в двух действиях «Трумф», или «Подщипа», в которой он сам исполнял роль Трумфа.

По форме своей «Трумф» представляет блестящую пародию на ложно-классические трагедии. В «шуту-трагедии» Крылова есть все, чему полагалось быть в нормальной трагедии, написанной по ложно-классическому шаблону: царь — благородный отец; его наперсник — министр; его дочь — героиня, с неизбежной наперсницей; молодой князь — ее пламенный любовник; его противник — злодей трагедии. Но все эти трагические «роли-амплуа» воплощены в ярко сатирических, нарочито карикатурных образах глупейшего царя Вакулы, занимавшегося пусканием детского кубаря, неистово сентиментальной княжны Подщипы, трусливейшего князя Слюняя, вооруженного деревянной шпажкой, и самоуверенного до глупости Трумфа, «принца немецкого».

Эти комические персонажи разглагольствуют пышным александрийским стихом трагедии, но Слюняй по-детски картавит, а Трумф невозможно коверкает русскую речь на немецкий лад.

Содержание шуто-трагедии также пародирует бесчисленные трагедии (включая и «Филомелу» самого Крылова). «Злодей» Трумф, полонивший «престольный град» царя Вакулы, в конце концов терпит неудачу, а счастливые любовники Подщипа и Слюняй соединятся для блаженства.

Но «Трумф» был не только веселой литературной пародией, — он был и политической пародией; — сатирой на царствование Павла I с его влюбленностью в немецкое солдафонство; с его преклонением перед прусской военщиной, ее зверской муштрой. Вся Россия, и прежде всего русская армия, воспитанная Суворовым, — ненавидела «гатчинцев», потешное войско, вымуштрованное Павлом, а в образе глупого и грубого солдафона Трумфа не трудно было признать не только рядового «гатчинца», но и самого самодура Павла I.

Грубый немецкий селадон в огромных ботфортах и с длиннейшей косой прельщает русскую княжну такими прелестями будущего супружества в завоеванной Трумфом стране царя Вакулы:

Мой стелай, штоп ниhto на твой не мох клядить,
И в спальна сарска к нам ниhto не смей кадить:
Ни крафа, ни мишнстр, ни сама кенерала,
Отна фельдфебель мой *und* два иль три канрала.

Самодовольный вояка «немецкий принц» Трумф настолько глуп, что позволяет провести себя самым позорным образом; царь Вакула торжествует над ним полную победу.

Литературно-политическая пародия Крылова имела большой успех: «Трумф» широко распространился во множестве списков. Но напечатан в России «Трумф» мог быть лишь в 1871 году (за границей — в 1859 году). На сцену же «Трумф» попал еще позже — только после революции 1905 года.

Крылов возобновил свою литературную деятельность только с воцарением Александра I, с того, с чего и начал, — с театра.

В 1802 году в Петербурге была поставлена его одноактная комедия «Пирог», за нею последовали комедии «Модная лавка» (1806) и «Урок дочкам» (1807). Эти две лучшие комедии Крылова имели большой успех, долго держались на сцене и были возобновлены в 90-х годах.

Эти комедии Крылова появились в эпоху наполеоновских войн. Давний вопрос о подражательности, о безоглядном заимствовании у французов языка, обычаев, мод, — старый вопрос о легкомысленной переимчивости в быте и жизни, которым усиленно занимались Фонвизин в «Бригадире», Новиков и сам Крылов в сатирических журналах, — теперь, во время борьбы с Наполеоном, становился новым вопросом — о политической опасности галломании высшего русского общества и о его полнейшем равнодушии к русской национальной культуре. В комедиях Крылова, написанных с большим реализмом и проникнутых чувством уважения к творческим силам русского народа, — находила себе исход законная тревога лучших русских

людей о судьбах русской национальной культуры, неразрывной с государственным бытием народа,— та тревога, которая позже зазвучала в стихах и письмах Рылеева и в монологах Чацкого.

В финале комедии «Урок дочкам» Велькаров поучает своих дочек, обезумевших от модной галломании: «Два года, три года, десять лет останусь здесь в деревне, пока не бросите вы все вздоры, которыми набила вам голову ваша любезная мадам Григри, пока не отвыкните вы восхищаться всем, что только носит не-Русское имя, пока не научитесь скромности, вежливости и кротости, о которых, видно, мадам Григри вам совсем не толковала, и пока в глупом своем чванстве не перестанете морщиться от Русского языка».

В эпоху наполеоновских войн, в преддверии 1812 года, эти слова возбуждали в театре взрыв рукоплесканий.

«Урок дочкам» превращался в урок патриотизма. Но эта комедия и комическая опера «Илья Богатырь» (1807) были последними работами Крылова для театра.

II

В 1805 году Крылов вышел, наконец, на тот литературный путь, с которого не сходил уже до конца жизни и на котором ждала его мировая слава. В 1805 году Крылов перевел три басни Лафонтена — «Дуб и Трость», «Разборчивая Невеста» и «Старик и трое молодых». Басни эти встретили

одобрение И. И. Дмитриева (друга и соратника Карамзина), пользовавшегося тогда известностью как «Российский Лафонтен». Известный баснописец, сам переведший басню «Дуб и Трость», он сказал Крылову: «Это истинный ваш род, наконец вы нашли его», и передал басни «Дуб и Трость» и «Разборчивую Невесту» в журнал «Московский зритель», где они и были помещены в 1806 году. Сюжеты некоторых басен Крылова восходят к глубокой древности, к индусскому сборнику Панчатантры, к басням Эзопа, Федра, Лессинга, Ла-Мотта и других европейских баснописцев. Крылов в изданиях басен всегда указывал источники, из которых заимствован тот или иной сюжет. Кроме «Дуба и Трости» (басни, ранее переведенной Дмитриевым), Крылов перевел многие басни, уже известные русскому читателю по переводам Сумарокова, Хемницера, Княжнина и других.

И тем не менее с первых же басен Крылова никто из читателей не видел в нем переводчика,— все его басни воспринимались как оригинальные: такова была непосредственная свежесть его творчества, прямая жизненность и небывалая дотоле народность в его рассказе. Все басни о глупых воронах, хитрых лисицах, разборчивых невестах шли из недр русской жизни, все нравоучения были подсказаны разумом русского народа,— язык их был, несомненно, живым языком миллионов говорящих по-русски,— языком, понятным одинаково во дворце, в крестьянской избе и в детской.

В 1808 году в «Драматическом вестнике» (усердным сотрудником которого был Крылов) появилась его первая оригинальная басня «Ларчик», начавшая ряд лучших его басен, отмеченных небывалою самобытностью темы, содержания и формы.

Еще до появления басни в печати конец ее —

А ларчик просто открывался —

превратился в крылатое слово, что бывало и с другими баснями Крылова.

В 1809 году двадцать три басни, в большинстве напечатанные в «Драматическом вестнике», были впервые объединены в сборник «Басни Ивана Крылова». С 1809 года начинаются бесконечные переиздания «Басен Ивана Крылова», обогащаемых новыми произведениями баснописца. Тридцать пять лет спустя В. Г. Белинский еще при жизни баснописца уже писал: «Изданиям басен И. А. Крылова потерял счет... Таким успехом не пользовался на Руси ни один писатель, кроме Ивана Андреевича Крылова». Таким успехом Крылов пользовался только потому, что первым из русских писателей он проник в самую толщу народа.

Первым же басням Крылова достался беспрецедентный успех, определивший весь дальнейший литературный и жизненный путь Крылова.

Из писателя, работавшего едва ли не во всех существовавших тогда литературных жанрах, Крылов превратился исключительно в баснописца. Един-

ственный во всей русской литературе пример писателя, строго и навсегда ограничившего свою деятельность одним литературным жанром. Но, избрав себе раз навсегда узкий, повидимому, жанр басни, Крылов знал, что приобрел — как никто до него — широчайший круг читателей. На вопрос одного поэта, отчего он басни предпочел другим видам литературы, он отвечал: «Этот род понятен каждому; его читают и слуги и дети».

Стоя в литературе особняком, не примыкая ни к одной из литературных группировок, но соприкасаясь со всеми, Крылов знал, что его успех зависит от такого обширного круга читателей, что ему не опасны никакие отзывы критики и не страшна никакая смена литературных мнений и направлений.

Переселившись в 1806 году навсегда в Петербург, Крылов близко соприкасался с обеими литературными партиями — с реформаторами языка и стиля, группировавшимися вокруг Н. М. Карамзина (Жуковский, Батюшков, Блудов, Дашков, П. А. Вяземский и другие), и с их противниками из «Беседы в Обществе любителей русского слова», отстаивавшими, во главе с А. С. Шишковым, архаические формы языка и речи. Обе партии понимали, какой исключительной величиной был Крылов. В. А. Жуковский осыпал похвалами первый сборник Крылова: «Он имеет гибкий слог, который всегда применяет к своему предмету: то возвышается в описании величественного, то трогает вас простым изображением нежного чувства, то забавляет смешным выражением или

оборотом. Он искусен в живописи... Каждое действующее в басне его лицо имеет характер и образ, ему одному приличные... Можно забыть, что читаешь стихи: так рассказ легок, прост и свободен. Между тем какая поэзия!» В «Беседе любителей русского слова» высоко ценили народность языка Крылова, чуждую всяких книжных условностей и французских утонченностей карамзинской школы. Чтение Крыловым новых басен в «Беседе» бывало всякий раз событием, собиравшим сотни слушателей. Оба направления готовы были считать Крылова своим, но — «двух станов не боец, а только гость случайный», он был равно чужд и сладкому стилю карамзинистов, и «высокому» слогу шницковистов. Он обладал тем, чего не было ни у тех, ни у других: высокою простотою и подлинною глубиною народной речи.

В Петербурге Крылову ближе всего был кружок писателей, собиравшихся вокруг удачливого сановника и образованного любителя искусств А. Н. Оленина, который впоследствии занимал два важных поста, связанных с литературой и искусством: с 1811 года он был директором Публичной библиотеки, а с 1817— президентом Академии художеств. В кружке Оленина, поклонника и знатока классической древности, Крылов встречался с драматургом-неоклассиком В. А. Озеровым, с К. Н. Батюшковым, увлекавшимся римскими поэтами, с Н. И. Гнедичем, переводчиком «Илиады», и другими деятелями литературы. С некоторыми из них, в особенности с Олениным и Гнедичем, Крылов был в дружеских отношениях, но и в этом кружке

«классиков» оставался тем же, чем был среди «карамзинистов» и «словенороссов», только Крыловым,—самобытным и независимым народным поэтом.

В течение почти сорока лет литературной деятельности Крылова-баснописца невозможно указать хоть один журнал или альманах, который не стремился бы заручиться его сотрудничеством. Появление его басни на страницах того или иного издания обеспечивало проявление внимания и интереса читателя к этому изданию. Если тяжеловесные «Чтения в «Беседе любителей русского слова» читались только потому, что там появлялись новые басни Крылова, то басен Крылова добивался и «Сын Отечества», нарасхват читавшийся в 1812 году, и баснями Крылова как лучшим украшением гордилась «Полярная звезда» К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева, будущих декабристов.

Раньше всех других русских писателей Крылов приобрел европейскую известность. В переводе его басен на французский и итальянский языки (изданных в 1824 году в Париже гр. Г. В. Орловым) приняли участие видные писатели того времени. Отмечая это появление Крылова в Европе, Пушкин назвал его «истинно-народным поэтом», лучшим выразителем «литературы севера».

В 1812 году Крылов поступил на службу в Публичную библиотеку, возглавляемую Олениным, и прослужил там в должности заведующего русским отделением до 1841 года. Упорно ведя весьма замкнутую и уединенную жизнь, он держался, по воз-

возможности, в стороне от официальных торжеств и литературных собраний. Он не опровергал сложившуюся о нем легенду, как о неисправимом добродушном домоседе. Это избавляло его от участия в различных церемониях, от множества дел и обязанностей, которые он находил для себя тягостными и обременительными. Упорно и прилежно работал он над тем, что считал делом своей жизни,— над баснями. «Басни Ивана Крылова», вышедшие в 1809 году тоненькой книжкой с двадцатью тремя баснями, превратились к концу жизни Крылова в том, вмещавший сто девяносто семь басен, не считая не попавших туда по цензурным и другим причинам (всего Крылов написал несколько больше двухсот басен), «Басни Крылова» по своей обработке — одно из совершеннейших произведений русской литературы. Рукописи Крылова свидетельствуют о том, какой большой, взыскательный труд положен Крыловым на его басни. Он создавал до семи редакций отдельных басен, добиваясь художественного совершенства: яркости образа, живости рассказа, простоты речи, краткости изложения, меткости «заклучений». Готовя «Басни» к повторным изданиям, Крылов перерабатывал многие заново, — и эта постоянная, прилежная работа Крылова над книгой окончилась лишь с его смертью: последнее издание, приготовленное им самим к печати, вышло в свет в день его похорон.

2 февраля ст. ст. 1838 года был торжественно отпразднован юбилей Крылова: праздновалось 50-летие его литературной деятельности (в действительности

начавшейся значительно раньше 1788 года) и 70-летие его рождения (более вероятная дата рождения Крылова не 1768, а 1769 год).

Народный поэт — этот великий титул устами Пушкина, Гоголя, Белинского дан был Крылову русским народом. Юбилей Крылова, по справедливому замечанию В. А. Жуковского, — был «праздник национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие с тем самым чувством, которое всех нас в эту минуту оживляет, и вы, от нас немногих, — обратился он в своей речи к Крылову, — услышите голос всех своих современников. Мы благодарим вас... за наших юношей прошлого, настоящего и будущих поколений, которые с вашим именем начали и будут начинать любить отечественный язык, понимать изящное и знакомиться с чистою мудростью жизни; благодарим за Русский народ, которому в стихотворениях своих вы так верно высказали его ум и с такою прелестью дали столько глубоких наставлений; наконец, благодарим вас и за знаменитость вашего имени; оно сокровище отечества и внесено им в летопись его славы».

Воздавая хвалу Крылову, как великому народному поэту, эти слова Жуковского выражали действительное мнение широчайших кругов его читателей.

Крылов скончался 9/21 ноября 1844 года. Умирая, он отдал все распоряжения о своих похоронах и пожелал, чтобы всем друзьям и знакомым было разослано на память о нем по экземпляру последнего

издания басен, над которым он трудился перед смертью. Таких экземпляров пришлось разослать более тысячи,— так велик был круг людей, считавших себя друзьями великого писателя.

Крылов был погребен на кладбище Александроневской лавры.

В 1855 году в Летнем саду был открыт памятник И. А. Крылову по проекту П. К. Клодта, воздвигнутый по всенародной подписке.

Но истинный памятник Крылова — перукотворный — остался в «Баснях» — в одной из тех книг, на которых зиждется всемирная слава русской литературы.

III

Название «басня»,— прилагаемое к басням Эзопа, Федра, Лафонтена в смысле строго определенного литературного аллегорически поучительного жанра,— только условно может прилагаться к басням Крылова.

Кроме таких в точном смысле слова «басен», как «Ворона и Лисица» или «Стрекоза и Муравей»,— басен, по преимуществу переводных или переделанных с чужих оригиналов,— в «Баснях Крылова» мы под этим названием находим яркие реалистические очерки из жизни («Два мужика», «Мельник», «Три мужика»), публицистические памфлеты на злобу дня («Квартет», «Туча»), сатиры на темы социальные («Лещи», «Мирон», «Гуси») и политические («Воспитание льва», «Пестрые Овцы», «Рыбья пляска»), отклики на истори-

ческие события («Волк на псарне», «Ворона и Курица», «Собачья дружба»), острые эпиграммы («Прихожанин», «Апеллес и Осленок», «Кукушка и Петух»), маленькие комедии нравов («Демьянова уха», «Купец», «Лжец»), лирические элегии («Василек») и т. д.

Все это изобилие жизненных образов, реалистических сцен, характерных портретов, сатирических зарисовок, поэтических картин, лирических чувствований, политических воззрений, философских суждений, все это богатство художественных форм, которым в дальнейшем так плодотворно воспользовались Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Островский, Салтыков-Щедрин,— все это объемлется одним словом «басня», но с неперменным прибавлением: *Крылова*,— одно из самобытнейших созданий русского литературного гения. «Басни Крылова» — это новый жанр в литературе, одновременно и реалистический, и сатирический, и лирический, и драматический.

Современники Крылова и позднейшие его критики и исследователи не раз выражали недоумение и сожаление: почему сатирик «Почты духов» и драматург — автор «Модной лавки» перестал писать сатиры и комедии?

Оставление Крыловым пера сатирика и драматурга ставили в связь с его отходом с таких беспокойных позиций литературы, как воинствующая сатира и обличительная комедия, на такую спокойную, — даже неподвижную, вековую, тысячелетнюю позицию мировой литературы, как басня.

Но это объяснение в корне неверно: от сатиры

«Почты духов» и комедии «Модная лавка» Крылов, уйдя в басню, ушел в сатиру «Рыбьей пляски» и в комедию «Воспитание Льва» — в сатиру и комедию, политически более острую, а в художественном смысле несравненно более совершенную, чем сатира его журналов и комедий.

В своих «баснях» Крылов не отказался ни от одной общественно значительной темы, ни от одного политически смелого воззрения, затронутых в «Почте духов» и «Зрителе». Ни одно из высоких чувств любви к родине, уважения к трудовому народу и презрения к его насильникам он не умалил и не ослабил под оболочкою басни. В «басню» Крылов вместил десятки художественных жанров — от политической сатиры, до «окогченной летуныи» эпиграммы, от комедии-миниатюры до бытового очерка, и в каждом жанре показал себя великолепным мастером-реалистом. «Музу пламенной сатиры», по выражению Пушкина, Крылов заставил до того обогатиться знанием жизни, реальным постижением русской действительности, что (как говорил Гоголь) в его баснях «предмет, как бы не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед глазами».

Реалисту, откликающемуся на все явления жизни, подмечающему ее подлинные краски, Крылову тесно бывало в пределах басенной условности, — среди людей, одетых и загримированных мартышками, ослами и т. д., — и часто, показав в басенной инсценировке явление, выхваченное из жизни, он тут же, вторично, показывал это же самое явление в его подлин-

ном жизненном виде, в виде ярчайшей жанровой сцены.

Рассказав заимствованную у Лафонтена историю о вороне в павлиньих перьях, он тут же пересказывает ее в жизненных красках Островского.

Я эту басенку вам блью поясню.
Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
Чтоб в знатную войти родню.
Приданого за ней полмиллиона.
Вот выдали Матрену за Барона.
Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
Попреком, что она мещанкой родилась,
А старая за то, что к знатым приплелась:
И сделалась моя Матрена
Ни Цава, ни Ворона.

Поведав басню про лисицу, будто бы невинно «пострадавшую» за взятки, и передав зоркое заключение умного Сурка:

Нет, кумушка, а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху,—

Крылов спешит развернуть параллельную бытовую картину из текущей действительности, как бы опасаясь, что читатель может не вполне уразуметь, кто такая эта «лисица» и в каком она «была курятнике судьей»:

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой,—
А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревёнку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согрешишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

Эти открыто житейские, непосредственно человеческие параллели к басенным «звериным» сценариям приобретают у Крылова особую сатирическую остроту.

Замечательная басня «Зеркало и Обезьяна» заканчивается превосходнейшим переносом ее в неприкрытую современность гоголевских городничих и судей:

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на-руку не чист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

Но и птичьи и звериные персонажи Крылова — ворона, лисица, обезьяна, волк и т. д. — являют под своим обличем те же беспощадно верные черты ти-

пов и характеров русской действительности, как и Матрены и Климычи.

Отказавшись от шумной сатиры молодых лет — от нравоописательных сказок, острых пародий, сатирических повестей, комедий-буфф и комических опер, — Крылов стал в своих баснях на твердую почву реализма, и в пестроте своих реалистических жанров, укрытых под старинной вывеской «басни», он нашел множество способов и средств отразить и изобразить русскую действительность в такой полноте, как никому не удавалось до Крылова и немногим удалось после него.

Гоголь, высоко ценивший могучий реализм Крылова, называл «величественным» заключение басни «Две бочки»:

Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепко думу
Без шуму.

Эти слова полностью относятся к самому Крылову. Они определяют его художественный труд трех последних десятилетий его жизни — труд баснописца.

В спокойном жанре басен Крылов творчески жил едва ли не всеми жанрами беспокойной литературы его времени, отзывался в них на самые важные вопросы своей эпохи, откликался на самую острую общественную и политическую злободневность, жил одной жизнью со своим народом, радовался его радостями, скорбел его скорбями, тревожился его

будущим,— только «думал свою он крепко думу без шуму».

Эта творческая, философская и гражданская «дума» Крылова поражает глубиной и широтой охвата явлений народной жизни и человеческого бытия.

«Человек в частной своей жизни,— писал о нем его современник и биограф П. Плетнев,— гражданин в общественной своей деятельности, природа в своем влиянии на дух наш, страсти в их борении, причуды, странности, пороки, благородные движения души и сердца, вечные законы мудрости — все перешло в его область, все подверглось его исследованию».

В этой «области», безмерно расширившей существовавшие до того пределы «басни» как литературного рода, Крылов никогда не выходил из границ русской жизни, из великой многовековой «думы» русского народа над жизнью, над смыслом человеческого существования, над законами добра, над насильничеством зла в жизни человеческой. У Крылова, баснописца-моралиста, за редчайшими исключениями отсутствуют поучения, нравственные выводы, которые были бы чужды русскому народу и противоречили бы его сложившемуся веками мировоззрению. Одна из важнейших причин того, что нравоучения крыловских басен сразу же становились народным достоянием, превращались в пословицы,— заключается в том, что они верно и точно выражают собственно народные воззрения на добро и зло, на правду и кривду...

Эту внутреннюю, морально-философскую связь басен Крылова с пословицами, вековыми выразительницами народного мировоззрения, прекрасно подметил Гоголь: «Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек...— писал он про Крылова.— Пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной... Известно, что если сумеешь замкнуть речь ловко прибранною пословицей, то сам объяснишь ее вдруг народу, как бы сама по себе ни была она выше его понятия.

Отсюда-то ведет свое происхождение Крылов».

Характеристика, какую дает Гоголь народным пословицам, как вековечным афоризмам народного разума, полностью приложима к басням Крылова: «Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выражения в них отразилось много народных свойств наших: в них все есть: издевка, насмешка, попрек, словом — все задирающее за живое: как стоглазый Аргус глядит из них каждая на человека».

Многие басни Крылова выросли непосредственно из русских народных пословиц: народный писатель давал художественную плоть, облакал в жизненный образ то, что его родной народ выразил как результат своего векового опыта, мысли и чувства, в кратком речении пословицы.

Не попусту в народе говорится:
Не плюй в колодезь, пригодится
Воды напиться.

Из этой народной поговорки, точно переработанной Крыловым, возникла басня «Лев и Мышь». Из поговорок: «Каков поп, таков и приход», «Каков батька, таковы у него и детки», у Крылова возникает басня «Волк и Волчонок» с ее нравоучением: «А где пастух дурак, там и собаки дуры», — в свой черед превратившимся в поговорку. Существует целый круг народных поговорок, бичующих эгоизм человека, замыкающегося в себе, отстраняющегося от заботы об общественной пользе и общем благе: «Мне хоть весь свет гори, только бы я жив был», «Чорт возьми соседа, жги огнем деревню», «Мне что до кого? — Было бы нам хорошо» и т. д. Весь этот круг поговорок, карающих противообщественное начало личного утилитаризма и эгоистического практицизма, Крылов кратко выразил в четверостишии:

На свете много мы таких людей найдем,
Которым всё, кроме себя, постыло,
И кои думают, лишь мне бы одно было,
А там весь свет гори огнем.

Четверостишие это, заключающее басню «Лягушка и Юпитер», восполнило число народных поговорок об эгоизме и эгоистах.

Можно привести немало подобных примеров рождения басен Крылова из народных пословиц.

В свой черед русский народ охотно авторизовал десятки крыловских стихов и «нравоучений», включив их в пословицы. Еще при жизни Крылова многие его стихи попали в сборник пословиц, записанных из уст народа.

Ай, Моська, знать, она сильна,
Что лает на слона.

Басня «Слои и Моська» впервые напечатана в 1808 году, а в 1822 году два эти стиха из нее как народная пословица внесены были в «Полное собрание народных пословиц», изданное неким Д. К.; в этом же сборнике встречается нравоучение басни «Заяц на ловле» (1813):

Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

Туда же внесен и стих из басни «Пастух и Море» (1819):

Что впереди — бог весть; а что мое — мое.

Многие речения крыловских басен — «Полают и отстанут», «А Васька слушает да ест», «Слона-то я и не приметил», «Да только воз и ныне там», «Услужливый дурак опаснее врага» — и даже самые заглавия

его басен — «Тришкин кафтан», «Демьянова уха», «Слон и Моська» — так прочно вошли в народную речь, что кажутся неотделимыми от нее, как тысячи других поговорок и пословиц.

Подобное слияние образов и мыслей писателя с речью народа возможно только потому, что любой образ Крылова, любое его изречение, каждый оборот его речи органически народен по существу. Медведь, лисица, волк, заяц, осел, ворона, кукушка, курица и прочие звериные и птичьи персонажи встречаются у всех баснописцев с древнейших времен. Но у Крылова и они вовсе не являются обще-зверьями и обще-птицами, нужными только для аллегорической маскировки обще-человека с его пороками. Каждый из них наделен правдиво жизненным характером. Лукавая, изворотливая до бесстыдства лисица, дерзкий, хищный, но недалекий волк, угрюмо-добродушный, тугой на мысли медведь — у Крылова кровно родственны этим же персонажам русских народных сказок. В баснях Крылова завершается многовековое художественное развитие русского звериного эпоса. Гоголь проницательно заметил: «Звери у него мыслят и поступают слишком по-русски: в их проделках между собою слышны проделки и обряды производств внутри России. Кроме верного звериного сходства, которое у него до того сильно, что не только лисица, медведь, волк, но даже сам горшок поворачивается как живой, они показали в себе еще и русскую природу... Словом, всюду у него Русь и пахнет Русью».

Создавая басни, Крылов, первый из русских писателей, решительно и смело обратился к единственному живому источнику, питающему литературную речь,— к народному языку. Этот источник был прекрасно знаком ему, с детских лет вслушивавшемуся в народную речь, в живое многогласие русского народа. Из писателей XVIII и начала XIX века никто не знал живого языка в таком совершенстве и в такой полноте, как Крылов. Народный язык стал языком самого Крылова. «Крылов обладал неизъяснимым искусством сливать этот язык с общею нашею поэтической речью. Все подобные оттенки у него не разделялись заметно, а составляли одно целое. Можно подумать, что для него не было сословий, и он в уме своем представлял только Россию, одним духом движимую, поражающую воображение своею огромностью, величиной частей своих, красками своими и действующую как одно существо в гигантских размерах. Отличия речи, выставляющиеся в стихах его, бросаются в глаза не так, как что-то оторванное от целого, а как красивые части, природою утверждаемые на своем месте, здоровые, сильные и привлекающие к себе внимание крепким организмом, связывающим их с другими».

Плетнев этими словами указал, что в могучей, яркой, ясной и простой речи Крылова слились все ручьи и ручейки народного языка,— и именно оттого литературная речь Крылова так легко, широко и полно перешла в уста народа.

Крылов стал учителем языка для всех последую-

щих писательских поколений, начиная с Грибоедова и Пушкина.

Еще в начале 20-х годов прошлого столетия, говоря о французской словесности и об ее «влиянии на нашу», указывая на «вредные последствия — манерность, робость, бледность», присущие Дмитриеву и Карамзину, Пушкин утверждал: «Некоторые пишут в русском роде, из них один Крылов, коего слог русский».

«Он первый поэт России, — писал про Крылова В. К. Кюхельбекер в 1845 году. — Мы, т. е. Грибоедов и я, даже Пушкин, точно обязаны своим слогом Крылову».

В те же годы Гоголь, представитель великой литературной школы, включавшей в себя Гончарова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, свидетельствовал:

«Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так ощутительно и выражаться так доступно всем, как Крылов. Поэт и мудрец слились в нем воедино».

У него живописно все, начиная от изображения природы пленительной, грозной и даже грязной, до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьем душевные свойства. Все так сказано метко, так найдено верно и так усвоены крепко вещи, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова.

У него не поймашь его слога... Стиха его также не схватишь. Никкак не определишь его свойства: звучен ли он? легок ли? тяжел ли? Звучит он там,

где предмет у него звучит, движется, где предмет движется; крепчает, где крепнет мысль, и становится вдруг легким, где уступает легковесной болтовне дурака. Его речь покорна и послушна мысли.

В этой замечательной характеристике Гоголь определил речь Крылова как речь великого реалиста.

Те стремления к верному отражению действительности, которые были присущи Крылову, драматургу и сагирику «Зрителя», в баснях нашли полное осуществление. По безоговорочной верности реалистическому воззрению на жизнь, по смелости реалистических приемов ее изображения Крылов может быть назван первым реалистом в русской литературе. С Крылова начинается эпоха торжества реализма в русской литературе.

Прямой и смелый реализм Крылова возбуждал жестокие нарекания сторонников литературного «приукрашивания действительности».

При выходе басен Крылова,— как вспоминает П. А. Вяземский,— Д. Н. Блудов выразился, «что вышли новые басни Крылова со свиньей и с виньетками. «Свинья на барский двор когда-то затесалась», и пр. Строгий и несколько изысканный вкус Блудова не допускал появления Хавроньи в поэзии».

Будущий министр, блюститель политической и эстетической благонадежности, готов был применить стих о свинье к самому Крылову, который со своим реализмом и народностью «затесался» на «барский двор» изящной российской словесности.

Наоборот, своим реализмом Крылов восхищал Гри-

боедова, Пушкина, Гоголя и вдохновлял их в строительстве великой литературы жизненной и художественной правды.

Сатирическая направленность и поучительность басен не препятствовала им быть правдивейшими реалистическими картинами русской жизни сверху до низу, — от палат вельможи до крестьянской избы.

«Демьянова уха», «Два мужика», «Три мужика» — прекрасны как басни с живым нравоучением, непринужденно вытекающим из самого происшествия, рассказанного в басне. Но еще лучше они в качестве картин крестьянской жизни, написанных тонким знатоком деревенского быта и психологии крестьянина. От крыловских реалистических картин-миниатюр впервые в русской литературе повеяло настоящей деревней, действительной народной жизнью. Мужики-политики в «Трех мужиках», гуляки в «Двух мужиках», чрезмерные хлебосолы в «Демьяновой ухе» — это первые в русской литературе зарисовки крестьянина — без прикрас, без сентиментальной гримировки. Художественная манера Крылова-реалиста — это манера самого крестьянина, когда он говорит сам о себе в сказке, в пословице, это — мягкий юмор, тонкая усмешка над неполадками в жизни и своими недостатками. Крыловский юмор — мягкий, когда он обращен на крестьянина и деревню, — превращается в жестокий сарказм («Рыбья пляска»), когда Крылов пишет о палатах, о дворцах и их обитателях.

Сила реализма Крылова в том, что жизнь раскрывается в нем в ее непосредственной действитель-

ности. Белинский писал о животных Крылова, поступающих подобно людям:

«Столкновение этих существ у Крылова всегда образует маленькую драму, где каждое лицо существует само по себе и само для себя, а все вместе образует собой одно общее и целое. Это еще с большей характерностью, более типически и художественно совершается в тех баснях, где героями — толстый откупщик, который не знает, куда ему деваться от скуки с своими деньгами, и бедный, но довольный своей участью сапожник; повар-резонер; недоученный философ, оставшийся без огурцов от излишней учености; мужики-политики и пр. Тут уже настоящая комедия».

Многие басни Крылова являются превосходными зарисовками характеров и типов, выхваченных из русской действительности. Крыловские «скупые» («Бедный богач», «Скупой и Курица», «Мирон», «Похороны» и др.) — это не олицетворения порока скупости, это — живые люди, это — «толстосумы» и «богачи» начала XIX века; они изображены Крыловым с такой устрашающей реалистичностью, что к ним всем подходит заключение басни «Похороны»:

Есть много богачей, которых смерть одна
К чему-нибудь годна.

Знаменитый «Лжец» — это, прежде всего, великолепный социально-психологический портрет: «какой-

то дворянин, а может быть, и князь» из породы Хлестаковых встает во весь рост и во всем своем духовном убожестве. Крыловский «Мельник» — это сочный жанровый портрет беспечного и ленивого человека, привыкшего винить в своих неудачах всех, кроме самого себя, — и в то же время это яркая зарисовка русского мельника во всем его бытовом обличи.

IV

Исключительное знание русской жизни позволило Крылову в тесных пределах басни разворачивать большие жанровые полотна, которые, несмотря на свой лаконизм, — или, быть может, благодаря ему, — по своей значимости не уступают широким полотнам Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Островского, посвященным той же тематике.

В маленькой басне «Крестьянин и Овца», — на примере «уголовного дела овцы», обвиненной в краже кур, — процесс кривосудия в старом суде Крылов изображает с яркостью, превосходящей, быть может, изображение суда Сухова-Кобылиным в «Деле».

Лиса-судья и прокурор, — во всех «юридических» баснях Крылова реалистически обобщенный образ российского кривосудия, — выносят овце такой приговор:

Не принимать никак резонов от овцы;
Понеже хоронить концы

Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
Овца от кур не отлучалась прочь;
А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей;
То я сужу, по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить овцу,
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу.

В жутком лаконизме этого «приговора», выдержанного в духе и форме подлинных «решений» старого суда, выражена с реалистической схожестью и сатирической яркостью физиономия того суда, который был бедствием старой России.

Крылов-реалист не описывает жизнь, — он ее *изъясняет*, он творит над ней суд, — и в этом смысле его реализм является предтечей реализма Грибоедова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина.

Крылов-баснописец продолжал дело раннего Крылова-прозаика. Жизненные явления, которые «изъясняет» Крылов-баснописец, все те же, какие бичевал Крылов-сатирик в издававшихся им журналах.

Произвол правителей, бесправие населения и величайшая из язв старой России — крепостное право, — все это, попрежнему волнуя Крылова политически, с еще большей реалистической рельефностью воплощается в образы и сцены его басен.

Достаточно привести один пример этого реализма, неисполненного глубоким социальным содержанием:

В саду у барина в пруде,
В прекрасной ключевой воде

Лещи водились.

Станицами они у берегу резвились,
И золотые дни, казалось им, катились.

Как вдруг

К ним барин напустить велел с полсотни щук.

«Помилуй!» говорит его, то слыша, друг:

«Помилуй; что ты затеваешь?»

Какого ждаты от щук добра:

Ведь не останется Лещей здесь ни пера.

Иль жадности ты щук не знаешь?» —

— «Не трать своих речей»,

Боярин отвечал с улыбкою: «все знаю;

Да только ведать я желаю,

С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»

В басне «Лещи» — одной из самых поздних басен Крылова (напечатана в 1830 году) — противокрепостническая направленность почти обнажена. Крылов не озаботился даже загримировать каким-нибудь восточным «сатрапом» российского «барина»-крепостника, сознательно враждебно относящегося к крестьянам («Лещи»).

Крылов нигде не скрывает своей глубокой любви к крепостному крестьянству, своего уважения к его труду, своей привязанности к внутренним вы-

своим качествам русского крестьянина, своей веры в его творческие силы. Сопоставляя крестьянина (или ремесленника — «Откупщик и Сапожник») с баарином, он, не покидая почвы реализма, умеет нарисовать картину, где свет и тени распределены так, как это может быть только у художника — убежденного демократа.

Одним из самых ярких положительных образов у Крылова является образ *пчелы*, появляющийся у него вместе со столь же яркими отрицательными образами *мухи* («Муха и Пчела», «Пчела и Мухи») и *паука* («Паук и Пчела»).

«Пчелы» у Крылова — поэтическое изображение трудящегося народа, «мухи» и «пауки» — олицетворение тунеядцев, пожирателей и расхитителей народного труда. Увидев пчелу над цветком, муха спесиво говорит:

Уж как тебе не лень
С утра до вечера трудиться целый день!

И похваляется своим бездельем:

...мне в городе знакомы
Вельмож и богачей все дома...
...Где только свадьба, именины —
Из первых я уж верно тут,
И ем с фарфоровых богатых блюд,
И пью из хрусталей блестящих сладки вины.

Эта «муха»-дворянка, глумящаяся над трудолюбивой «пчелой», над крепостной крестьянской труженицей,—сестра той самой «мухи», которую Крылов жестоко осмеял в басне «Муха и дорожные»; «муха» эта почти до осязательности ясно перевоплощается, при чтении басни, в образ одной из тех «прелестниц» и «модниц», над которыми, со все растущим осуждением, смеялись: Новиков в сатирических журналах, Грибоедов в «Горе от ума» (княжны Тугоуховские), Гоголь в «Мертвых душах» (дамы приятные во всех отношениях), Островский, изображая своих неприятных во всех отношениях Мамаевых («На всякого мудреца довольно простоты») и Лидий («Бешеные деньги»).

«Пчела и Муха» — одна из тех басен, где Крылова, по словам Гоголя, «занимали вопросы важные». Таков вопрос об истинном патриотизме, о привязанности к родной стране и о «тоске по чужбине». В разбираемой басне Крылов утверждает, что привязанность к родной стране, — а стало быть, и истинный патриотизм, — возможна лишь для тех, кто вносит свой труд в жизнь родины, как пчела свой мед в улей:

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, тем мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

Иными словами, — истинный патриотизм возможен лишь для «Пчел», для трудового народа, и невозможен для «Мух», для не трудящихся классов, равно праздных и паразитствующих на родине и на чужбине.

Эта басня, написанная в 1817 году, перекликается с позднейшей политической лирикой декабристов, устанавливающей, что истинный патриотизм есть «любовь к общественному благу» (Рылеев), есть труд во имя родины: «не бывши гражданин», нельзя любить родину.

Крылов идет дальше: он сопоставляет «пчелу» — труженицу-крестьянку не только с «мухами» из дворянского класса, но и с самим «орлом» — царем-самодержцем.

«Жалкой» доле пчелы «трудиться целый век» «орел» противопоставляет свой хищный полет. «Пчела» с достоинством спокойно отвечает «Орлу»:

А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу своей работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть.

Мудрые слова эти превратились в пословицу, а из «нравоучения» басни Крылов создал гимн трудящемуся народу:

Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,

И мыслью оживлен одной,
Что пользе общей он трудится.

Басня «Орел и Пчела» написана в 1813 году,— в эпоху, когда в честь российского «Орла» — Александра I — слагались только одни хвалебные оды и гимны, а участь крепостной «пчелы» была глубоко печальна.

Истолковывая в 1846 году басню «Орел и Пчела», Гоголь счел нужным особенно подчеркнуть глубокое уважение Крылова к доле и труду «последнего труженика, работающего в низших рядах государственных, которому указывает он на высокий удел, в виде пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,

и т. д.

Слова эти останутся доказательством вечным, как благородна была душа самого Крылова».

В басне «Листы и Корни» (1811) Крылов раз навсегда высказал свое основное, глубоко демократическое воззрение на соотношение социальных сил в государстве.

«Листы на дереве» шумно и самоуверенно похвалялись тем, что ими «дерево так пышно и кудряво, раскидисто и величаво. Что б было в нем без нас?»

...Им голос отвечал из-под земли смиренно...

...Мы корни дерева, на коем вы цветете.

Красуйтесь в добрый час!

Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится;

А если корень иссушится,—

Не станет дерева, ни вас.

В этом образе «листов и корней» Крылов философски обобщил свою многолетнюю думу о России в ее настоящем и будущем.

Эта дума Крылова-баснописца простиралась на множество самых важных общественных и политических явлений русской жизни четырех десятилетий XIX века.

Глубокая связь басен Крылова с явлениями русской жизни была так несомненна, их жизненная действительность была так велика, что читатель почти всегда искал непосредственного применения их к явлениям текущей действительности: прямых отражений фактов жизни, событий политических, действий правительства, поступков правящих лиц. В большинстве случаев общественное чутье не ошибалось в сатирической направленности басен Крылова и под басенным гримом львов, волков и лисиц открывало многих государственных деятелей александровской эпохи.

Далеко не собран, даже не выявлен еще из эпистолярной и мемуарной литературы 1800—1830-х годов весь тот широкий круг вельмож, сановников, генералов, литераторов и светских обывателей александровской и николаевской эпох, которых читатели-современники усмотрели в баснях Крылова под

личинами зверей, животных, птиц, рыб и насекомых.

Но достаточно назвать нескольких лиц, удостоившихся сатирического отображения в баснях Крылова, чтобы увидеть, как широк был круг исторических оригиналов, с которых Крылов писал свои басенные портреты.

Из людей, причастных к литературе, в этот круг попали Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, П. А. Катенин, кн. П. А. Вяземский, гр. Д. И. Хвостов, И. И. Дмитриев, М. Т. Каченовский, члены «Беседы любителей русского слова», цензоры Красовский и Тимковский и т. д.

Под личинами крыловских зверей и животных скрыты жизненные и политические образы сановников и министров александровской эпохи: гр. П. А. Завадовский, гр. В. П. Кочубей, гр. А. К. Разумовский, гр. П. А. Строганов, гр. М. М. Сперанский, кн. А. Н. Голицын, Д. П. Рунич, весь Государственный Совет («Квартет») и т. д.

Для читателей 10—20-х годов не было тайной, что сам Александр I — герой многих сатирических басен Крылова.

Чрезвычайно характерно, что в эпоху победы над Наполеоном, когда Александр I был в центре внимания всей Европы, когда почти во всей русской поэзии ему гремела хвала, Крылов сумел отделаться от этой обязательной похвальной оды остроумным, но по существу полуироническим комплиментом (в басне «Чиж и Еж»). Отделив себя как «бедного чижа» от

«хора громких соловьев» — одописцев, восхваляющих «Феба» — Александра, Крылов принес извинение:

Так я крушуся и жалею,
Что лиры Пиндара мне не дано в удел:
Я б Александра пел.

«Александра» в оде Крылов только «пел бы», — но Александра в баснях под личинами Льва, Орла он действительно представил, — в «Воспитании Льва», «Хозяине и мышях», «Обозе» и других баснях современники вычитывали сатирическую биографию этого царя.

На разгром Петербургского университета (1821), явившимся одним из самых ярких проявлений реакции последних лет царствования Александра I, Крылов отозвался басней «Пестрые овцы». Царь — Лев — собирает совет для того, чтобы решить, каким образом можно «правосудно» перевести «Пестрых овец» — студентов, учащуюся молодежь, рвущуюся к знанию и к свободе, — которых «не взлюбил» Лев.

Медведь — грубый и прямой Аракчеев — дает простой совет:

«Всесильный Лев!..

На что тут много разговор?»

Вели без дальних сборов

Овец передушить. Кому о них жалеть?»

«Лев нахмурил брови» на аракчеевский слишком прямолинейный совет и благосклонно внял смиренно-

мудрым словам Лисы (в которой легко распознать благовоспитаннейшего министра кн. А. Н. Голицына):

Дай повеленье ты луга им отвести..

. . . . .
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,

То прикажи овец волкам пасти.

Не знаю, как-то мне сдается,

Что род их сам собой переведется.

А между тем пускай блаженствуют оне;

И что б ни сделалось, ты будешь в стороне.

Лев последовал совету Лисы: пестрые овцы все перевелись.

Какие ж у зверей пошли на это толки?

Что Лев бы и хорош, да все злодеи волки.

«Толки» эти были те же, что шли об Александре I и его окружении: усиление крепостного права, устройство военных поселений, вызывавших ненависть армии и народа, усиление цензурного гнета, наконец, разгром Петербургского университета — все это приписывалось реакционному влиянию Аракчеева, Голицына, Рунича, Магницкого, Фотия. Александр же, истинный вдохновитель реакции, оставался в стороне с титулом «благословенного».

Крылов в своей басне с неслыханной сатирической смелостью разоблачает это политическое заблуждение. Он воздает должное и грубому медведю — Арак-

чееву, хитрой лисе — Голицыну, но главный предмет его нападения — лицемерный самодержец лев — Александр I.

«Пестрые овцы» могли появиться в печати почти полвека спустя после их написания.

Не менее резко нападал Крылов на Александра I в другой басне «Рыбья пляска» (1823), в одном из величайших созданий сатирического гения.

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.

В своем путешествии Лев увидел, как Мужик, поставленный «старостою над водяным народом», жарил на сковороде только что пойманных рыб. На вопрос Льва, как живется «водяному народу», их «староста» отвечал: «Здесь не житье им — рай», и они только тем и заняты, что молят бога о здравии царя.

«Да отчего же», Лев спросил, «скажи ты мне, Они хвостами так и головами машут?» —
«О, мудрый царь!» Мужик отвечал: «оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

Басня беспощадно разоблачала одну из затей Александра — страсть путешествовать по России в целях

якобы бдительного надзора над властью на местах, которая попрежнему продолжала свое самоуправство и насильничество над народом.

Как свидетельствует В. А. Оленина, хорошо знавшая Крылова, «цензор, воображив, что баснописец разумеет в ней путешествовавшего тогда по России императора Александра I, положительно ее запретил».

Достаточно двух разобранных басен, чтобы увидеть, как далеко «кверху» восходила сатира Крылова в его «басенный» период, когда многим казалось, что «русский Лафонтен» совсем отказался от сатирического вмешательства в жизнь. Ни одна «сатира» молодого Крылова не поднимается с такою смелостью в самые высокие сферы русской действительности и ни одна не разит так метко и больно, как эти и подобные им «басни» «дедушки Крылова», будто бы закрывшего глаза на все, что творилось в русской жизни.

В то самое время как появились в печати, распространялись в списках и заучивались наизусть такие басни Крылова, как «Пестрые овцы», «Орел и Пчела», «Рыбья пляска», Загорецкий, который «переносить горазд», радуя Скалозубов и Фамусовых, громко заявлял во всеуслышанье:

Если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег: ох! басни смерть моя!
Насмешки вечные над львами, над орлами!
Кто что ни говори,
Хотя животные, а все-таки царь.

Цензура исполнила желание Загорецкого, запретила две басни с «насмешками над львами», но запретить всех львов, орлов, медведей и ослов Крылова, вытравить из его басен сатирический яд насмешки над глупостью и жестокостью сиятельных «ослов» и превосходительных «медведей» империи Российской — цензура не могла.

Для современников почти каждая басня Крылова имела точный, а иногда и не вполне точный, но непременно сатирический адрес до Зимнего дворца включительно, — и этот бесспорный факт лучше всяких доказательств убеждает в том, что истинное звучание лучших басен Крылова было не морально-поучительное, а ярко сатирическое, обличительно-публицистическое, политическое.

Декабристы высоко ценили политическую сатиру Крылова. А. А. Бестужев писал в 1823 году:

«И. Крылов возвел русскую басню в оригинально классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, больше осязаемости нравоучению. В каждом его стихе виден русский здравый ум... Его каждая басня — сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия».

Басни Крылова явились неисчерпаемым собранием сатирических отзывов и откликов на множество явлений русской жизни сверху донизу — от царя до мужика. Из сатирических запасов Крылова русский народ черпал богатейшие образы, портреты, речения и клеймил ими горькие и позорные явления действи-

тельности. Басни Крылова, в их почти полутора-вековом существовании,— без сомнения, самый пространенный, общенародный вид сатиры, какой только знает история русской литературы.

И недаром в эпоху Великой Октябрьской революции ее вожди В. И. Ленин и И. В. Сталин в своих статьях и речах много раз обращались к гениальной сатире Крылова, к его сатирическим образам для борьбы с теми «львами», «медведями» и «лисицами», которые, являясь врагами народа, пытались, по примеру крыловской змеи, прикрыться «новой кожей», чтобы смертельно уязвить новую жизнь русского народа.

V

Величие Крылова, как истинно народного писателя, правдиво и сильно выражающего мысль и волю великого русского народа, с особой силой проявилось в грозную эпоху отечественной войны 1812 года.

Все русские писатели,— от дряхлеющего Державина до отрока Пушкина,— откликались на борьбу русского народа с Наполеоном, но, пожалуй, никому не удалось в той мере, как Крылову, стать голосом родного народа, и ничей отзыв не вошел так глубоко в душу русского народа.

В баснях, написанных в 1812 году, Крылов отзывался на все важнейшие события героической эпохи. Он не писал тогда никаких басен, кроме тех, в которых откликался на военную тревогу и государствен-

ную нужду суровых дней, когда решался вопрос — быть или не быть России.

К начальному периоду войны 1812 года,— до назначения М. И. Кутузова главнокомандующим, сопровождавшемуся непрерывными спорами и пререканиями генералов,— большей частью немцев по происхождению (Беннигсен, Пфуль, Армфельд и др.) — в «главной квартире» о том, как вести войну против Наполеона и кому занимать главные посты в командовании армией, относятся басни «Раздел» и «Кот и Повар».

Суровый укор всем, кто в заботах о личных делах забывает о великом общем деле — пожаре войны, охватившем Россию,— звучит в заключении басни «Раздела»:

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

Когда во главе русских войск, борющихся с Наполеоном, стал, против желания Александра I, по воле народа, Кутузов, Крылов явился горячим защитником исторического дела Кутузова, убежденным сторонником его стратегии и тактики в войне с Наполеоном. Четыре басни — «Ворона и Курица», «Волк на псарне», «Обоз», «Щука и Кот» — дают прямой, последовательный отзыв на важнейшие события отечественной войны, связанные с действиями Кутузова как главнокомандующего.

Обвинения в оставлении Москвы без боя Кутузову приходилось слышать отовсюду,— начиная с офицеров и кончая императором, который писал Кутузову:

«Вы еще обязаны дать ответ оскорбленному отечеству в потере Москвы».

В то время когда император обвинял народного вождя в потере Москвы как в преступлении перед отечеством, Крылов видел в оставлении Кутузовым Москвы акт военной и гражданской мудрости:

Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил...

Так, вопреки всем традициям басни, с прямым указанием на историческое лицо и событие, начинается басня «Ворона и Курица».

Возражая Александру I и его приближенным, Крылов расценивал оставление Москвы Кутузовым не как грубейшую военную ошибку, за которую надо нести суровую ответственность перед родиной и историей, но как результат «искусства» полководца, как блестящее решение труднейшей стратегической задачи, которое потомство оценит как исторический подвиг.

Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися,

И вон из стен Московских поднялся,
Как из улья пчелиный рой.

Этот уход всего населения из Москвы Крылов понимал так же, как Кутузов,— как высокопатриотический ответ на предстоящее занятие столицы неприятелем, как на проявление борьбы всего народа с врагом-завоевателем. «Никто не помышлял о покорности неприятелю»,— писал свидетель этого ухода И. И. Лажечников,— с тем, чтобы оставаться в своих домах, бить ему челом... Где могло кончиться это переселение? Никто не ведал».

В лице «курицы» Крылов изображал рядового обитателя Москвы, который своим патриотическим чутьем понимал, что с неприятелем— с «супостатом» невозможно жить в мире. В лице «вороны» с ее эгоистическими расчетами— «с гостями не мудрено ужиться»,— Крылов бичевал примиренчество и приспособленчество дворянских кругов, случаи которого занесены в мемуары эпохи.

Попался как ворона в суп!—

это заключение басни современники 1812 года применили к самому Наполеону; оно сразу превратилось в народную поговорку, разнесшуюся по всей России.

Когда Наполеон, действительно, попал в «сеть, расставленную» ему Кутузовым, он начал просить мира. При дворе была сильная партия (императрица Мария Федоровна, наследник Константин Павлович и дру-

гие), склонявшая Александра I к заключению мира. Наполеон для переговоров о мире прислал Лористона в Тарутинский лагерь к Кутузову. Народный вождь отвечал на лстивые предложения посла: «Меня проклянет потомство, если признают меня первым виновником какого бы то ни было перемирия: таков действительный дух моего народа».

Вместо переговоров о мире Кутузов дал войскам Наполеона сражение; при Тарутине жестоко пострадала конница Мюрата.

Крылов отозвался на эти события басней «Волк на псарне».

Вся Россия в «волке», попавшем на псарню вместо овчарни, признала Наполеона, а в старом седом «ловчем» — Кутузова. Вся Россия повторяла ответ ловчего волку, в действительности — ответ Кутузова наполеонову послу:

«Ты сер, а я, приятель, сед
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».

И тут же выпустил на волка гончих стаю.

Всякий понимал: «гончих стая» была та, которая растрепала конницу Мюрата при Тарутине.

Началось отступление Наполеона из России, подготовленное всеми предшествующими действиями Кутузова. Александр I требовал от Кутузова стремитель-

ного преследования отступающего врага, требовал непрерывных сражений и укорял старого фельдмаршала в медлительности и бездействии.

Александр I не понимал, что, следуя по пятам Наполеона, обреченного на гибель, но не вступая в непрерывные сражения, Кутузов сохранял русскую армию для заграничного похода.

Крылов в басне «Обоз» явился горячим защитником стратегического плана Кутузова. Кутузов — это «конь добрый», который спокойно свел под гору тяжелый воз. «Лошадь молодая», глумившаяся над «добрым конем», пустившись под гору вскачь, разбила весь воз. Крылов говорил в своей басне: «Вот что было бы с русской армией, если б во главе ее стоял не «добрый конь», — мудрый народный вождь Кутузов, — а «лошадь молодая» — самовлюбленный и самонадеянный Александр I».

В баснях, написанных в 1812 году, Крылов, народный поэт, властным словом поддерживал Кутузова, народного вождя, против его недоброжелателей во главе с Александром I, не понимавшим ни глубины военной мысли, ни значения исторического подвига, совершенного Кутузовым.

Первый ратник московского ополчения С. Н. Глинка писал: «В необычайный наш год и под пером баснописца нашего Крылова живые басни превращались в живую историю».

В баснях Крылова участники отечественной войны искали и находили отклик, в котором горячее патриотическое чувство соединялось с необыкновенно вер-

ным историческим чутьем смысла совершившихся событий.

(Поэт К. Н. Батюшков, ушедший в армию добровольцем, писал Н. И. Гнедичу: .

«Скажи Крылову, что... в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на биваках с новым удовольствием».

Читал наизусть басни Крылова на биваках вслух войску и сам Кутузов, противопоставляя этим авторитетное слово народного поэта, так высоко оценившего его деятельность, тем осудительным рескриптам Александра I, которыми тот преследовал Кутузова, не понимая мудрости его действий.

Во всей почти шестидесятилетней литературной деятельности Крылова нет другого события, в котором с такой ясностью выразился бы настоящий смысл деятельности великого баснописца, как его участие в борьбе и победе 1812 года, как в эпизоде, при Красном, когда полководец-победитель читал вслух басню Крылова войскам, точно свой приказ по армии.

Своей высокой художественностью, правдивостью образов, удивительной простотою и занимательностью рассказа они переносили не только читателя, но и слушателя (их слушала целая армия) в живую действительность, в непосредственную глубину жизни. Яркой, острой сатирой, высмеивающей не только Наполеона, но и Александра, не только французских маршалов, но и генералов-немцев на русской службе — Крылов направлял мысли народа на познание действительности, на мудрое осмысливание

исторических событий. Народность крыловских басен,— простота и сила их языка, народный склад образов, полное совпадение его воззрения с народными воззрениями на отечественную войну и на ее вождя Кутузова,— все это делает его басни доступными пониманию всех. Крылов перекладывал свои басни в уста самого народа, обогащая его новыми пословицами и поговорками. Глубиною своего патриотизма, силою любви к родине, живейшим участием в ее скорбях и надеждах Крылов в своих баснях превращался в политического писателя-борца, в прямого участника народной борьбы с врагом родины,— внушая народу непоколебимую веру в победу и счастливое будущее.

* * *

Высокая художественность, острота сатиры, полнейшая народность, искренний патриотизм — все эти черты Крылова, проявленные им в отечественную войну, присущи всему его творчеству.

Это — черты *великого народного писателя*.

Так называли Крылова уже его современники, так назовем его и мы в эпоху второй отечественной войны.

Сам великий народный поэт Пушкин назвал его «представителем духа русского народа».

Гоголь отзывался о Крылове: «Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа».

Литературный вождь русской демократии, Белинский писал в 1840 году:

«...Басни Крылова, кроме поэзии, имеют еще и другое достоинство, которое... делает его великим русским поэтом: мы говорим о народности его басен. Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостию, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостию, острою и добродушно-саркастическою насмешливостию; с его природной верностию взгляда на предметы и способностию коротко, ясно и вместе кудряво выражаться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально русских, непередаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство,— что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении. О естественности, простоте и разговорной легкости его языка нечего и говорить...

...Его исключительно-русская натура все перерабатывала в русские формы и все проводила через русский дух. Честь, слава и гордость нашей литера-

туры, он имеет право сказать: «Я знаю Русь и Русь меня знает»...

В его духе выразилась сторона духа целого народа; в его жизни выразилась сторона жизни миллионов».

Это — великие, ответственные слова.

Они произнесены больше ста лет тому назад, — и никогда справедливость их не была так очевидна, как в наши дни.

В дни второй отечественной войны, когда страна, родившая Крылова, с победою отразила нашествие врага, пытавшегося отнять у нее «вольность, честь и мир», — имя Крылова на устах у миллионов, книга его — в руках многомиллионного читателя. Великий русский народный поэт, он, по своей мудрости, по общечеловеческой глубине, близок и дорог всем народам Советской страны: басни Крылова, переведенные на пятьдесят три языка, выходят во множестве экземпляров во всех концах СССР.

Книга Крылова, действительно, «есть книга мудрости самого народа».

В этом — источник вечной правды и вечной красоты этой бессмертной книги.

Редактор К. Малышева

*

Подписано к печати 18/XI 1944 г. А-13108
Тираж 100 000 экз. 2 $\frac{1}{4}$ печ. л.
2,57 уч.-авт. л. Зак. № 2626.

6-я типография треста „Полиграфкинг“
Огиза при СНК РСФСР
Москва, 1-й Самотечный пер., 17

1 руб.